

СЕКЦИЯ XI ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

АНТИУТОПИЯ КАК ДИАГНОЗ БУДУЩЕМУ

Д. О. Веремеев

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Научный руководитель И. А. Грищенко

Антиутопия получила свое развитие в первой половине XX в., тогда же были написаны произведения, на сегодняшний день являющиеся лицом данного жанра: «Мы» Евгения Замятина, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «1984» Джорджа Оруэлла. Несмотря на то, что тоталитарные режимы XX в. остались в прошлом, популярность антиутопий в XXI в. не только не ослабевает, а приобретает злободневность в новой реальности, подготовив почву для развития новых жанров, таких, как постапокалипсис и киберпанк.

Антиутопию с утопией роднит исходная идея прогресса. Если утопия – это положительная, то антиутопия – отрицательная экстраполяция прогресса в будущее. Прогресс видится, прежде всего, в оснащенности элит технологиями по управлению массовым сознанием. Писатели-антиутописты делают разные акценты, описывая методы тотального контроля. У Е. Замятина и О. Хаксли тоталитарный режим технократичен, а у Дж. Оруэлла он опирается на идеологию. Что объединяет все три сценария «Дивного нового мира» – деградация и девальвация ценности личности на фоне всепобеждающего технического прогресса. Это мир проинтегрированной жизни, с математически выверенным для каждого счастьем. «Поводов для зависти – нет уже никаких, знаменатель дроби счастья приведен к нулю – дробь превращается в великолепную бесконечность» [1, с. 321].

Мечта элит – вывести подвид людей с ограниченным сознанием. Для этого существует ряд методов, исторически уже апробированных. Аристотель в «Политике»: отмечал, что «большая часть тиранов вышла из демагогов». Демагог дает много обещаний обществу, он притворяется милостивым и кротким, хотя вскоре уничтожает своих врагов. Он постоянно поддерживает в обществе готовность к войне, «чтобы народ испытывал нужду в предводителе». А если же он заподозрит кого-либо «в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю» [2, с. 9]. На такой софистике выстроена идеология в романе «1984»: «Мир – это война. Война – это мир». Министерство правды занимается фальсификациями, министерство любви – репрессиями. Перевернуты и потому слиты воедино понятия-антиподы, что красноречиво продемонстрировал советский филолог в беседе с Л. Фейхтвангером в разгар сталинских репрессий: «Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?» [2, с. 12].

Еще один важный инструмент по формированию массового сознания – информация. Дж. Оруэлл, свидетель событий гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. писал: «...в Испании я впервые наблюдал, как газеты умудряются освещать происходящее так, что их описания не имеют к фактам ни малейшего касательства... Я читал о крупных сражениях, хотя на деле не прозвучало ни выстрела, и не находил ни строки о боях, когда погибали сотни людей. Я читал о трусости полков, которые в действительности проявляли отчаянную храбрость, и о героизме победоносных дивизий, которые находились за километры от передовой, а в Лондоне газеты подхватывали все эти вымыслы, и увлекающиеся интеллектуалы выдумывали глубокомысленные теории, основываясь на событиях, каких никогда не было. В общем, я увидел, как историю пишут, исходя не из того, что происходило, а из того, что должно было происходить согласно различным партийным «доктринам» [3]. О. Хаксли добавляет по этому поводу: «Велика сила правды, но еще могущественнее – с практической точки зрения – умолчание правды» [4, с. 303].

Еще одна функция, возложенная на СМИ, равно как и на школу, – воспитательная, точнее, под воспитанием подразумевается манипуляция с сознанием индивидуумов по ограничению их способности к критическому мышлению. Нумера Единого Государства воспринимают тотальный контроль как благо: «Так приятно чувствовать чей-то зоркий глаз, любовно охраняющий от малейшей ошибки, от малейшего неверного шага. Пусть это звучит несколько сентиментально, но приходит в голову опять все та же аналогия: ангелы-хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чем они только мечтали, в нашей жизни материализовалось» [5].

С точки зрения техногенных деспотий управление с помощью силовых методов уже неэффективно. В новом мире, базирующемся на производительности, рационализме и утилитарности, рабство будет добровольным, потому что – желанным. Идеальный предшественник антиутопий – «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского, которая продемонстрировала главный мотив отказа человека от свободы: гарантированный «хлеб» и освобождение от ответственности. «Хлеб» в обществе потребления обеспечат новейшие технологии, они же решат вопрос совести. Это мир, в котором запрещен Шекспир, но есть в изобилии ширпотреб. Научными же средствами проводится внутриличностная революция: социальная селекция, организация отдыха от действительности с применением психотропных препаратов, развитая евгеника для стандартизации человека. «Конфликтов долга не возникает; люди так сформованы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них требуется». Десакрализация личности, ликвидация ее уникальности, – плата за социальную стабильность [4, с. 300, 303–304, 474].

По мере того, как политическая и экономическая свобода уменьшаются, свобода сексуальная имеет склонность возрастать в качестве компенсации, что в той или иной форме присутствует во всех трех антиутопиях. Сексуальный промискуитет не столь уж от нас отдален, если учесть тенденцию к разрушению традиционной семьи. В ряде развитых стран под видом толерантности уже выводятся из оборота понятия «отец» и «мать», «сын» и «дочь». В Дивном новом мире эти слова уже воспринимаются как неприличные.

Обитатели антиутопичных миров не выносят одиночества, им трудно быть не только наедине с собой, но и с другим человеком, – им не о чем говорить друг с другом. Их сознание подсело на масскульт как на наркотик. Даже иррациональное число выводит героя романа «Мы» из равновесия [1, с. 332]. Любая ситуация внутреннего дискомфорта решается употреблением психотропного препарата, который Главнуправитель Дивного нового мира характеризует как «христианство без слез». Цена

тотального благополучия – убитая совесть, являющаяся необходимым атрибутом свободы. «Дикарь» из «неорганизованного» мира замечает, что именно слезами надо бы сдобрить жизнь цивилизованных, «а то здесь слишком дешево все стоит» [4, с. 475].

Любая система может дать сбой. Инакомыслие, индивидуализм, проявление сокровенно-личностного начала – смертельная угроза для жестко детерминированного мира. Методы исправления погрешностей в формовке нумеров на новоязе звучат вполне гуманно: переплавка, Великая Операция, утилизация, диссоциация материи.

Погружаясь в мир антиутопий, читатели не всегда способны ответить на вопрос: а чем плох этот мир? Однако даже благоустроенная тюрьма не перестает быть тюрьмой. А. Свентоховский, автор капитального труда по истории утопий, с одной стороны, отмечает, что «современное голодное человечество жаждет больше хлеба, чем свободы», с другой стороны, выражает уверенность, что «если оно когда-нибудь насытится в будущем общественном строе, оно возжаждет свободы. Ни одна из утопий не указала до сих пор, каким узлом соединить личность с коллективом, чтобы этот узел был не давящей петлей, а паутиной нитью» [2, с. 16]. Счастье без участия личностного начала претворяется в свою злокачественную противоположность – удобство утилитаризма.

Герои антиутопий Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла в попытке противостояния технократической системе проигрывают. Это не приговор будущему, а предупреждение: «Разум должен победить» («Мы»), вопрос только в том, какой разум.

О. Хаксли полагал, что только широкомасштабное народное движение к децентрализации и самопомощи может остановить современную тенденцию к этатизму. Прикладная наука должна использоваться как средство для создания общества свободных личностей, а не как цель, для которой люди назначены служить лишь средством.

Л и т е р а т у р а

1. Замятин, Е. Избранное / Е. Замятин. – М. : Правда, 1989. – 463 с.
2. Шишкин, А. П. «Есть остров на том океане...» // О дивный новый мир: Английская антиутопия. Романы : сборник : пер. с англ. / сост., авт. предисл. А. П. Шишкин. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–34. – (Серия: Утопия и антиутопия XX века ; вып. 1).
3. Азбука тоталитаризма Джорджа Оруэлла. Перечитывая «1984». – Режим доступа: <https://monocler.ru/azbuka-totalitarizma-dzhordzha-oruella/>. – Дата доступа: 01.03.2021.
4. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли // Утопия и антиутопия XX века. – М. : Прогресс, 1990. – 640 с.
5. Мир Единого Государства. – Режим доступа: https://licey.net/free/13-literatura_20_veka_analiz_dlya_sochinenii/64-eretiki_v_literature__l_andreev__e_zamyatin__b_pilnyak__m_bulgakov/stages/2867-mir_edinogo_gosudarstva.html. – Дата доступа: 01.03.2021.

ИНТЕРНЕТ В ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ ГГТУ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

В. Ю. Златина, П. В. Асвинова

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Научный руководитель А. Ю. Савенко, канд. филос. наук, доцент

В нашем учебном социологическом исследовании «Интернет в жизни студентов ГГТУ в период пандемии COVID-19», проведенном в 2021 г., мы предприняли попытку ответить на вопрос, произошли ли существенные изменения роли Интернета в жизни студентов во время пандемии. В ходе исследования было опрошено 80 сту-